

СУДНОЕ ДЕЛО

**по челобитной тихвинского посадского человека
Василия Филиппова на приемыша его бабки
вдовы Авдотьи красильницы Карпа Васильева
по иску о краже денег, меда и краски.**

Не позднее 1649 г. февраля 25 – февраля 27.

Не позднее 1649 г. февраля 25. – Челобитная тихвинского посадского человека Василия Филиппова игумену Тихвинского Успенского монастыря Симеону и келарю старцу Сильвестру с братией на Карпа Васильева по иску о краже денег, меда и краски.

(л. 1) Государю игумену Симеону, государю келарю старцу Селивестру еже о Христе з братьею бьет челом Пречистые Богородицы и вас, государей, посадцкое житеишко Васка Филипов.

Жалоба, государи, мне на малово своего вскормленика на Карпушку. Взят, государи, он у нас сиротиною малым робенком Бога ради, и кормили его лет дватцеть. Пил, и ел, и платье, и обувь носил все готовое. И промыслу, государи, его красильному выучил. Не заставлял его ни дров сечь, ни молоть. Всем животом моим и чюжим владел, и в лавке за товары сидил, а в кабалы его нигде не кабалил. А ныне, государи, он учал из моего товару себе собину копить и мои деньги красть. И яз его приметил, что у него другая мошна в штанех, где краденые деньги кладет. И яз, приведши домой, хотел у него деньги свои взять. И бабка наша денег у него взять не дала. И как яз вышел в торг, и она ево и отпустила.

Абеленцева Ольга Алексеевна (Санкт-Петербург) – ФГУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук», Отдел древней истории России, ученый секретарь, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук.

Olga Al. Abelentseva – St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, Department of Ancient History, Scientific Secretary, Senior Researcher; Ph.D. (History).

oabelen@mail.ru

© О. А. Абеленцева, 2018

А роскучил он, государи, меду моево две бадьи, о празнике взяты в долг у Ивана Прокофьева. Цена меду дватцеть один рубль. И он деньги себе копил, а отчету мне не отдал. И что с Москвы прислано у меня было товару, и он продавал и деньги себе имал, а отчету мне тоже не давал. А живот, государи, у меня чужой ведомо вам, государем. И ныне, государи, накопя себе он своим воровским умыслом денег, и от меня отшол, а снес краски с собою пять фунтов. И я, государи, на ево приказным являл, а вам, государем влаstem, не бил челом по се время, ждал от нево обращения.

Смилуйтесь, государь святой игумен Симеон, государь келарь старец Селивестр, пожалуйте, государи, на тово моево вскормленово детину оборонь. А в животе моем, государи, и в деньгах велите ему отчот дать, чтоб мне вконец не погинути потому, что живот чужой. Государи, смилуйтесь.

Шлюся, государи, на весь Тихвинской посад от мала и до велика и на весь торг, на рядович на Якова Королева, на Степана на Черятина, на Андрея Некрасова и на брата его Семена, и на их детей, и на племянников, и на Никиту Самсонова, и на Рекшиных на Афанасья и на Василья в том, государи, что тот малой Карпушка за моим животом в лавке сел и торговал. А сверх тово, государи, шлюся на окольних сусед, как он, Карпушка, у меня жил, яз его учил промыслу и добру, а он меня не слушал, все за воровством пошол.

(л. 1об.) Помета о решении соборных старцев по челобитной: 157-го февраля в 25 день по приказу игумена Симеона и келаря старца Селивестра с братьею тиуну Федору Андрееву с товарищи, и головам, и целовальником допросить Овдотьи красильницы, которым обычаем Карпушка отшол, самовольством ли или Васка збил, и как жил, чью обувь и платье носил, и за Васкиным товаром собину копил ли, и, как отшел, уловные деньги и краску пять фунтов снес ли. И, записав, та записка за руками положить на собор.

1649 г. февраля 27. – Допросные речи вдовы Авдотьи красильницы в таможенной избе перед монастырским тиуном

Федором Андреевым и таможенными головами Степаном Давыдовым и Алексеем Семеновым по челобитным Карпа Васильева и Василия красильщика.

(л. 2) 157-го февраля в 27 день в таможенной избе перед тиуном перед Федором Андреевым да перед головами перед Степаном Давыдовым да перед Алексеем Семеновым с товарищи против челобитных Карпушки Васильева да Василья красильника ево Васильева бабка вдова Овдотья допрашивается.

А в допросе сказала, что тово малово после отца ево и матери взяла она, Овдотья, полугоду и вспоила и вскормила она ево. И жил у внука ей десять лет и работал работу всякую. А красильному учила ево, малово, она, Овдотья, а не Василей. А ево, Василья, вскормила и с сестрою с ево з девкою с Марьицею она же, Овдотья. И живет Василей ныне в ей же дворе. А з двора Василей малово Карпушку збил в Зборное воскресенье. А что у него было Васильевых денег, что выкучил за яблока, и те деньги взяла у малово у Карпушки она, Овдотья, и отдала Василью. А краски он пяти фунтов от Василья з двора не снашивал, и иных животов ничево. Все животы у него лежат за замком. Збил ево з двора в одном в кафтанишке. А за медом он, Карпушка, у Василья ни сиживал потому, что Василей купил мед в субботу канун Зборново воскресения, а в Зборное Воскресение ево з двора збил. И тот мед Василей продавал сам с ыным с малым с Сенькою Ялгинским. А Карпушка в ту пору з двора был збит.

Рукоприкладства: (л. 2) Целовальники Труба и Никитка седили у спросных речей и руку приложил. (л. 2об.) К сему допросу Степанко руку приложил. К сему допросу Олешка руку приложил.

1649 г. февраля 27. – Приговор соборных старцев по делу.

(по склейке л. 1об.–2об.) 157-го февраля в 27 день келарь старец Селивестр з братьею сего сысского дела на соборе слушали и, выслушав, приговорили на соборе: тиуну Федору Андрееву с товарищи по сему обыску и велети таможенным

головам, и целовальником, и треим межи ими приговорить, что ему доведетца за десеть год Карпушки за работу дать, по тому их и розвести.

*Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 4. Л. 1-2.
Подлинник.*

**Суд «в Божью правду»:
судебное производство
на посаде Успенского Тихвинского монастыря
в середине XVII века**

Статья посвящена изучению судебного производства и делопроизводства, практиковавшихся в середине XVII в. в Успенском Тихвинском монастыре. На конкретных примерах из судебной практики показано доминирование христианских нравственных начал в процессе принятия судебных решений.

Ключевые слова: Успенский Тихвинский монастырь, Тихвинский посад, судебное производство XVII в.

Olga Al. Abelentseva

**The court "In God's Righteousness":
Judicial proceedings in the Tikhvin Assumption Monastery
in the middle of the 17th century**

The paper is devoted to the study of judicial proceedings and records' making in the Tikhvin settlement (*Posad*). The dominance of Christian moral principles in making of judicial decisions is demonstrated on specific examples from the judicial practice.

Keywords: Tikhvin Assumption Monastery, Tikhvin settlement, judicial proceedings in 17th century.

Одной из составляющих монастырских архивов являются документы судебного производства. Игумену Успенского Тихвинского монастыря жалованной грамотой было предоставлено право суда над братией, священниками, жителями Тихвинского посада и крестьянами монастырских вотчин по всем делам, за исключением тяжких уголовных преступлений – душегубства, разбоя и татьбы с поличным¹.

Право суда было одной из важнейших прерогатив власти. Практическое его исполнение делегировалось в нижние инстанции вплоть до волостных людей, но сакральный смысл судебной власти как исходящей от помазанника Божия

¹ Материалы по истории Успенского Тихвинского монастыря. Вып. 1: Акты и материалы писцового дела. Ч. 1. 1560–1644 гг. / сост. О. А. Абеленцева. М.; СПб., 2015. С. 179–193.

находил проявление на всех ступенях властной иерархии. Сакральное начало предполагало, что суд, принимая решения, должен был руководствоваться христианскими нравственными ценностями. Рассмотрим особенности судебного процесса и делопроизводства на посаде Успенского Тихвинского монастыря в XVII в. на примере двух судебных дел, относящихся к 1649 г. В этих, наиболее ранних из сохранившихся в архиве монастыря, судебных делах ясно виден приоритет нравственного начала в рассмотрении судебных дел и вынесении судебных решений.

Первое дело¹ было начато по иску посадского человека Василия Филиппова к его приемышу «вскормленнику» Карпу, который, по словам истца, был взят в дом сиротой, проживал там в течение 20 лет, был обучен красильному ремеслу, торговал в лавке истца, но со временем стал присваивать выручку. Истец запер приемыша у себя во дворе, желая получить отчет в деньгах, но бабушка Василия выпустила Карпа, и он скрылся, прихватив 5 фунтов краски.

Истец подал челобитную монастырским властям – игумену Симеону и келарю Сильвестру с братией. В ней Василий перечислил свидетелей обвинения. Тихвинские рядовичи должны были подтвердить, что приемыш действительно торговал в его лавке, а соседи – что сбежавший ответчик жил у Василия в доме и обучался ремеслу. Карп Васильев подал встречный иск, о котором упоминается в деле, но его содержание нам неизвестно, как нет и данных о том, что по нему велось отдельное производство.

Если бы судебное разбирательство пошло обычным процессуальным порядком, то собор старцев Успенского Тихвинского монастыря отдал бы распоряжение кому-либо из монастырских слуг или должностных лиц на посаде о ведении процесса. Им следовало бы обеспечить явку в суд свидетелей и ответчика, получив у него поручную запись о явке в установленный срок. Об этом на обороте челобитной обычно

¹ Архив СПБНИ РАН. Ф. 132 (Успенский Тихвинский монастырь). Оп. 1. Карт. 3. № 4. Материалы дела публикуются в настоящем сборнике (см. с. 210–213). – *Примеч. ред.*

делалась помета. В данном деле помета тоже имеется, но с другим указанием. Монастырскому тиуну Федору Андрееву, таможенным головам и целовальникам было поручено допросить бабушку истца Авдотью-красильницу об обстоятельствах жизни и бегстве приемыша, записать ее показания и представить их собору.

Допрос Авдотьи проходил в центре деловой и административной жизни Тихвинского посада – таможенной избе. Из допросных речей следует, что именно она, Авдотья, взяла в дом полугодовалого приемыша Карпушку, вырастила и научила ремеслу, она же вырастила своего внука Василия Филиппова и его сестру. Также Авдотья полностью отрицала обвинения в адрес Карпа в воровстве, утверждая, что будто бы похищенная им краска на самом деле спрятана у ее внука Василия в доме «за замком». Доклад монастырского тиуна собору старцев монастыря о допросе Авдотьи, видимо, был сделан в устной форме, т. к. в деле его нет.

Очевидно, Авдотья имела хорошую репутацию у властей и жителей посада, т. к. дальнейшее расследование не проводилось, в деле нет судебных прений сторон – судных речей и допросных речей свидетелей, на которых ссылался истец, а на обороте документов в месте склейки листов, соединяющей челобитную с допросными речами, был записан приговор по делу. Келарь Сильвестр и соборные старцы указали тиуну Федору Андрееву с товарищами дать распоряжение таможенным головам, целовальникам и третейским судьям определить сумму, которую истец Василий Филиппов должен выплатить своему приемышу Карпу за 10 лет работы. То есть если Карп был взят в дом Авдотьи в полугодовалом возрасте и прожил там 20 лет, то оплате подлежал его труд начиная с 9,5 лет.

Из рассмотренного дела видно, что на судебном процессе не ставилась задача соблюсти все процессуальные этапы. Ход его определялся ситуативно. Оформление дела производилось, если можно так выразиться, по упрощенной схеме: приговор по делу зафиксирован в виде пометы на обороте документов.

Второе рассматриваемое нами дело¹ было гораздо более серьезным по составу участников и сумме иска. Оно было открыто в связи со смертью посадского торгового человека Семена Минина², занявшего по двум кабалам 101 рубль у сына боярского Ефима Бухарина. Заемщик, как следует из дела, страдал склонностью к спиртному. Заняв деньги, он отправился в Стокгольм, где устраивал роскошные пиры, обошедшие ему, по словам других русских купцов, в сумму не менее 300 люблинских ефимков. Вернувшись на Тихвинский посад, он продолжил пить, затем, не заплатив явочных пошлин, уехал с товаром в Москву, где также пил и, наконец, скончался. При этом и на посаде, и в Москве Семен подавал исковые челобитные на разных лиц, в том числе и на своего брата Тимофея Минина, желая уклониться от уплаты долгов.

После смерти Семена челобитную монастырским властям подали состоятельные посадские люди Дорофей Перфильев, Максим Харлампиев и Иван Артемьев, которые ранее поручились по его займам. Свой иск они адресовали брату покойного Тимофею Минину на том основании, что он будто бы обещал заплатить долг брата, а кроме того, завладел имуществом покойного. В распорядительной помете на обороте челобитной игумен Симеон и келарь старец Сильвестр поручили провести судебное разбирательство казначею старцу Стефану и тиуну Стефану Матфееву с товарищами и дать суд: «157-го апреля в 14 день по приказу игумена Симеона и келаря старца Селивестра з братьею старцу Стефану и тиуну Стефану Матфееву с товарищи перед таможенным головам и целовальником Стефаном Давыдовым да Алексеем Семеновым с товарищи по сей челобитной дать суд в Божью правду»³.

На суде должны были присутствовать таможенные головы, но фактически в заседании участвовали судьи –

¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 7.

² Подробнее о роде тихвинских посадских людей Мининых см.: Поляков И. А. История семьи торговых людей Мининых на Тихвинском посаде // Петербургский исторический журнал (в печати).

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 7. Л. 10б.

казначей старец Стефан и монастырский слуга Иван Стефанов, и 9 целовальников – посадских людей из состоятельных семей. Из материалов дела следует, что до отъезда Семена Минина в Стокгольм братья совершили раздел имущества и долгов. Однако Тимофей все же дал отъезжавшему за рубеж брату по кабале товара на 294 рубля. После возвращения Семена в Тихвин Тимофей поспешил взыскать с него долг, но это удалось только после вмешательства властей. В уплату он получил в основном медь. Предвидя иски к нему по долгам брата, Тимофей действовал осмотрительно, заплатил за медь перекупную пошлину, подал явку властям о намерении брата Семена уехать в Москву, предупреждал поручителей.

Основным доказательством того, что Тимофей будто бы обещал оплатить долги брата, стали свидетельства священников посадских храмов Максима и Пантелея, которые они дали во время расследования (обыска) по челобитной Семена Минина, составленной еще до его отъезда в Москву. По словам Тимофея, священники Максим и Пантелей «послушествовали» (лжесвидетельствовали) на него, т. к. имели к нему свои имущественные претензии. Священник Пантелей Афанасьев, к приходу которого принадлежал Тимофей, требовал от него в качестве подарка ткань – черный мухояр на постные ризы, о чем написал ответчику грамотку с угрозами и бранью. Другой священник, Максим, был женат на сестре Тимофея и Семена Мининых и потребовал для жены часть наследства их третьего брата Ивана Минина, которую она не получила, т. к. Максим, в свою очередь, продал Тимофею двор на посаде, не «очистив» его от долгов. На одном из застолий Максим сознался Тимофею Минину, что оговорил его по «не дружбе», о чем предусмотрительный Тимофей сразу подал явку властям. В ходе разбирательства по этой старой явке были допрошены свидетели, один из которых подтвердил слова Тимофея. Истцы и ответчик настаивали на крестном целовании для разрешения спора.

Дело было оформлено – заверено скрепами по ставам¹ и рукоприкладствами. В частности, ответчик должен был ставить свою скрепу непосредственно в тексте на свободном месте после окончания его слов и истца. В таком виде дело было доложено игумену и собору. Доклад, предположительно, делался устно – в составе дела, как и в первом рассмотренном судебном деле, его нет. Приговор по делу был оформлен в виде отдельного пространного документа. Решение было принято не в пользу какой-либо из тяжущихся сторон. Собор постановил, чтобы не «учинить душевредства», развести стороны без крестного целования, которое в таком деле сочли «напрасным». Долг по кабалам сыну боярскому Ефиму Бухарину разделили между фигурантами дела следующим образом: три поручителя, брат заемщика Тимофей, сын Иван и вдова Федосья должны были уплатить по 10 рублей, а давшие ложные показания священники Максим и Пантелей – по 20 рублей. Приговор завершается следующим поучением к священникам: «По тому на их вдвое платить и положено, что они своими неправдами меж ими в том деле бражничеством смутили. Достоинно было им правда чинить и детей своих духовных от греха отводить, разрешать, а не вязать. Понеже бо суть учителя нарицаются, во весь мир соль, а не сор чинить. Ныне в мало время они тех людей связали, а впредь иных тако же хотят оболгати своими неправдами. И чтоб им впредь таких дел чинить непостоянным своим бражничеством было неповадно»². Приговор был заверен рукоприкладствами игумена и соборных старцев.

По сравнению с судебным делом, рассмотренным выше, данное дело было для Тихвинского посада, как сейчас сказали бы, резонансным, поскольку затрагивало верхушку посадского сообщества. Процесс велся уже не посадскими властями, а монастырским казначеем и слугой при участии девяти целовальников. Судебная документация тщательно оформлялась.

¹ Скрепа по ставам – подписи участников процесса по склейкам листов в столбец.

² Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Карт. 3. № 7.

При сравнении обоих рассмотренных дел можно сделать вывод, что судебное производство и его документальное оформление могли производиться по-разному в зависимости от значимости дела. Общим в обоих случаях, на наш взгляд, является доминирование в судебском усмотрении не столько формально-юридического подхода к делу и вынесению по нему решения, сколько морально-нравственного. Рассмотрение дел по справедливости, хотя и с соблюдением процессуальных процедур, в первом случае позволило выплатить сироте денежное вознаграждение за многолетнюю работу, и ему самому избежать наказания за кражу, а во втором случае – привлечь в качестве ответчиков по делу людей, формально не имевших долговых обязательств, но скомпрометировавших себя лжесвидетельством.